

ROSSICA
YOUNG TRANSLATORS
AWARD 2013

ACADEMIA
ROSSICA
RUSSIAN CULTURE NOW

Send your entries to David White at ryta@academia-rossica.org
www.academia-rossica.org

The Rossica Young Translators Award

The RYTA was set up in 2009 by Academia Rossica, an organisation dedicated to promoting Russian culture in the English-speaking world. Passionate and talented translators are essential for the future health of Russian literature, so we are determined to unearth and nurture a new generation of translators to share the wealth of Russian literature around the world. The RYTA is designed to encourage and reward these young translators and bring to their attention some of the best contemporary prose. Previous winners and shortlisted translators have now established themselves as professional translators and editors. The Prize now has a global reach, with over 180 entries last year from the UK, America, Russia and even further afield. The quantity and quality of these entries promise a bright future for translation from Russian and raise expectations of an even better competition this year.

Announcement and Prize

The shortlist and winning entries will be announced at a special event in London at the end of March as part of the 4th SLOVO Russian literature festival. The winner will receive an award of £500.

RYTA rules

(i) All entries must reach Academia Rossica on or before **10 March 2013**. Entries received after this deadline will not be sent to the judges.

(ii) All candidates must be aged 24 or under on this day (**10 March 2013**) to be eligible to enter the competition.

(iii) Entrants must translate one of the three extracts in this brochure. Translations of any other work will not be considered. The extracts are all from books recently published in Russia to great acclaim, namely:

- **Эдуард Лимонов, *В Сырах***

- **Борис Акунин, *Чёрный город***

- **Марина Степнова, *Женщины Лазаря***

(iv) Entries should be submitted electronically to ryta@academia-rossica.org with the subject line 'RYTA submission'.

(v) Each entry must include:

- The translator's name.
- The translator's date of birth.
- The educational institution to which the translator is attached (if applicable).

(vi) Group translations are permitted. However, the name, date of birth, and educational institution of every translator must be included with the submission.

RYTA 2013 Judges

Oliver Ready studied modern languages (Russian and Italian) at Oxford University and the School of Slavonic and East European Studies in London, and wrote a Dphil entitled *From Aleshkovsky to Galkovsky: The Praise of Folly in Russian Prose since 1960*. Between his studies he has lived in Russia, teaching and working as a journalist in Moscow. He is also the translator of *The Zero Train* (Dedalus, 2001), and of Ilya Ehrenburg's sketches of Paris in the 1930s. He has most recently translated *Crime and Punishment* for a new Penguin Classics edition.

Rosamund Bartlett has published several books including *Wagner and Russia*, *Shostakovich in Context*, *Chekhov: Scenes from a Life* and *Tolstoy: a Russian Life*, which was longlisted for the Samuel Johnson Prize. She also has extensive experience as a translator. Apart from her translation of the libretto for the Futurist opera *Victory over the Sun*, she has published the first unexpurgated edition of Chekhov's letters, and two anthologies of his stories, one of which was shortlisted for the Oxford Weidenfeld Translation Prize. She has held a number of senior academic posts, most recently at the European University Institute in Fiesole, where she was a Fernand Braudel Senior Fellow, and is the Founding Director of the Anton Chekhov Foundation, set up to preserve Chekhov's house in Yalta.

Daniel M. Jaffe is a translator, writer and teacher, whose creative writing workshops for the UCLA Extension Writers' Program led to him receiving the 2006 Outstanding Instructor Award in Online Writing Education. Daniel's translation of the Russian-Israeli bestselling novel, *Here Comes the Messiah!* by Dina Rubina, appeared in 2000, and his short translations from Russian and Spanish have been published in *Toronto Slavic Quarterly* (Canada), *Rossica* (UK), *Beacons*, *Translation*, and elsewhere. Daniel's novel, *The Limits of Pleasure* (2001), was a Finalist for one of *ForeWord Magazine's* Book of the Year Awards, and has been re-published by Bear Bones Books of Lethe Press (2010).

EDUARD LIMONOV

Few writers can claim to be on the frontline of political protest as much as Eduard Limonov. Limonov is no stranger to controversy or scandal, and his own story is every bit as surprising and fascinating as that of one of his characters. From his early days as a member of the underground Konkret poets' group in Soviet Moscow, he eventually immigrated to New York, where he wrote his first novel *It's Me, Eddie* to critical acclaim. Limonov moved to Paris, becoming actively involved in French literary circles, but returned to Russia in 1991, where he quickly made a name for himself as a controversial figure, founding the radical National Bolshevik Party and its publication *Limonka* to take a leading role in social and political protests. Limonov was arrested in 2001 on charges of terrorism, and imprisoned for two years. His latest autobiographical novel, *В Сырах* (2012), from which this extract is taken, deals with his life in Moscow straight after leaving prison, and takes its title from the unofficial name of the legendary Нижней Сыромятнической region of central Moscow.

BORIS AKUNIN

Boris Akunin is the pen name of Grigory Chkhartishvili, renowned essayist, literary translator and writer of detective fiction. After developing an interest in Japanese Kabuki theatre, he joined the historical philological branch of the Institute of Asian and African Countries of Moscow State University as an expert on Japan. Under his pseudonym Akunin, he has written many works of fiction, mainly novels and stories in the different series: *The Adventures of Erast Fandorin*; *The Adventures of Sister Pelagia*; *The Adventures of the Master* (following Nicholas Fandorin, Erast's grandson); *Roman-Kino* (Novel-Film) series set during World War I; and *Genres*. He is also the author of several plays, among them detective remakes of *Hamlet* and Chekhov's *The Seagull*. Many of his works have been made into big-budget Russian movies. Akunin has been called the 'undisputed champion' of Russian crime fiction and has been translated into 35 languages, selling a total of 25 million copies worldwide. This extract is taken from *Черный Город* (2012), the final installment of the hugely popular Erast Fandorin series of historical detective novels.

MARINA STEPNOVA

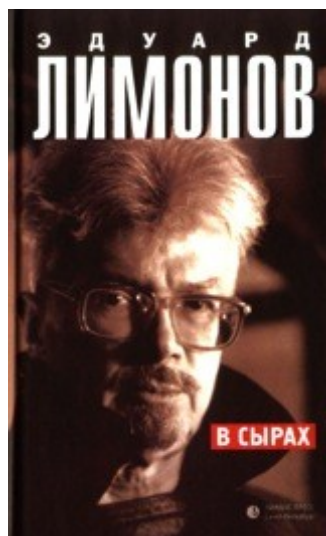
Marina Stepnova was born in 1971 in the small town of Efremov, in the Tula region. Marina was raised in Moscow, where she now lives. She graduated from The Gorky Literary Institute and did postgraduate studies at the Institute of World Literature. Stepnova's translation from Romanian of the play "Nameless Star"

by Mikhail Sebastien has been staged by numerous theaters throughout Russia. Marina Stepnova is the author of short stories and the novel *The Surgeon*, which won her the nomination for the National Bestseller Prize and broad critical acclaim. Marina Stepnova works as an editor-in-chief of the men's magazine XXL. Her latest novel, *Женщины Лазаря* (2011), from which the extract is taken, received a prize at the Big Book Award and was recently selected as Book of the Month at Moskva bookstore.

Эдуард Лимонов В Сырах

Limbus Press, 2012
ISBN 978-5-8370-0562-6
Extract

«ВЕНИЧКА...»

Выйдя из лагеря, я поселился за Курским вокзалом, в промзоне, на Нижней Сыромятнической улице, в обширной и запущенной квартире. Рядом с заводом «Манометр» стоит семиэтажный дом. Тогда это был единственный обитаемый дом в промзоне, стиснутый речкой Яузой с одной стороны и отхо дящими от Курского вокзала железнодорожными путями, вознесёнными на высокие эстакады, с другой. В доме жили всякие чудики. Гулял с собачкой поседевший музыкант Гера Моралес, – лидер группы «Джа Дивижен», у него на концертах висел над сценой рисованный марихуанный лист, ну вы всё поняли... На первом этаже, подо мной, жил майор милиции...

Всё вместе, с несколькими туннелями, с неработающими корпусами заводов, с пустырями за Яузой, место это, называемое в народе «Сыры», имело мистический вид. Здесь можно было целые дни снимать фильмы ужасов по сценариям Ганса Гейнца Эверса или Лавкрафта, ей богу. Однажды возвращающуюся от меня рано утром девушку покусала стая собак, а в другой раз приехавшая ко мне в гости пара видела банду парней, крушивших бейсбольными битами автомобиль. В Четвёртом Сыромятническом переулке, как раз в том месте, где сейчас вход в центр современного искусства «Винзавод», ночами стояли толпой проститутки. Их привозили на двух микроавтобусах, этих бедных девок. Ну вы поняли, что было за место.

Как я попал туда? Я унаследовал квартиру (владела ею квартирная хозяйка – пожилая бывшая официантка, жена слесаря) от директора издательства «Ad Marginem» Миши Котомина. Вещей у меня после тюрьмы не осталось. Я приехал с сумкой и французским мешком «Почта Франции» и стал жить. Меня привозили и увозили на красной «пятёрке» охранники. Я строго подчинялся суровому распорядку жизни лидера радикальной (тогда ещё не запрещённой) партии. Если соседи пытались познакомиться со мной, я уходил от знакомств. Звонок на двери

я отрезал, на стук в дверь не отвечал. Где-то через полгода жильцы установили домофон, и я стал пользоваться домофоном строго выборочно, отвечал только если ожидал посетителя. Девушка, встретившая меня из заключения, отвыкла от меня, пока я сидел, и постепенно отдалилась. Если я не был приглашён куда-либо, вечера я обыкновенно проводил с белой крысой, оставшейся от девушки, когда она вернулась к родителям.

Крыса откликалась на имя Крыс и была чудесным другом, веселила меня и скрашивала жизнь. Я, конечно, подумывал о том, что нужно бы обзавестись новой подружкой, но это предприятие для человека охраняемого, не покидающего дом без охраны, представлялось трудным. Трудоёмким. Впрочем, я неустанно пытался, подружки появлялись, но когда ты вышел из лагеря и тебе шестьдесят лет, тебе трудно угодить.

Однажды, была весна, я вернулся со скучнейшей вечеринки, устроенной одним немецким журналом в честь вступления в должность нового главного редактора. Делать там было мне нечего, толпа состояла главным образом из русских чиновников и официозных журналистов, юных девушек не было вовсе. Были крупнотелые матроны. Потому я больше обычного налегал на алкоголь. Так что, привезённый охранниками домой, я был слегка пьян и умеренно зол. С весёлыми возгласами молодые парни покинули меня, чтобы отправиться к подружкам, а может быть, они выпьют, наконец... Не мне же одному... Я запер за ними двери (тогда у меня были одни двери, впоследствии я поставил ещё одни) и отправился в кухню, где между старинной ванной на ножках и газовой плитой стояла клетка с крысой. Крыс радостно повисла на прутьях, предвкушая свободу. По ритуалу я должен был её сейчас выпустить, и после радостного путешествия по моей штанине, затем по рубашке, и на моё плечо, она спустится на пол, обегает всю квартиру, комнату за комнатой и коридор, все шестьдесят два квадратных метра...

Раздался стук в дверь.

Крыс успела выскочить в приоткрытую мной дверцу клетки и уже карабкалась по штанине моих джинсов. Я не пошёл открывать дверь, я даже не сдвинулся к двери. Оперативники стучат иначе, их наглый стук не спутаешь со стуком соседки, пришедшей попросить соли. Впрочем, никакие соседки меня давно не беспокоят. Бояться иметь дело...

Стук повторился. Такой сдержанный по характеру стук. Не оперативный. Можно было бы и открыть. Но мне запрещено открывать двери, если я нахожусь один в помещении. Я пошёл с крысой на плече в большую комнату, задёрнул шторы и включил телевизор. Шварценеггер металлическим весом топтал коридор мрачного подземелья, ловя в инфракрасный прицел бывшего полицейского, ставшего преступником. Там, за одиннадцатью метрами коридора от меня, всё ещё ненастойчиво стучали в дверь...

Стук оборвался. Крыс весело гоняла, хвост параллельно полу, вдоль стен пустой большой комнаты. Я сидел на королевского размера кровати, она у меня стояла в центре комнаты, и наблюдал за действиями уже обгоревшего металлического Шварца. Внезапно о стекло ударился, видимо, камень, а может, стреляли из пневматики. Нет, камешек... Ещё один. Я вздохнул и встал. Что-то происходило.

Я осторожно прошёл в свой кабинет (ничего особенного: стол, книжные полки) и не зажигая света чуть отодвинул штору. Посмотрел. В голых деревьях внизу стоял одинокий мужчина. Высокая лампа над подъездом позволяла увидеть, что это был немолодой мужчина в тёмной куртке и кепке. Поклонник моего литературного таланта? Сумасшедший, ищущий побеседовать с VIP-персоной на предмет спасения человечества? Отец нацбола, попавшего в тюрьму, пришедший переломать мне нос? Все варианты были для меня неприемлемы. Смущало меня и время действия. Было около полуночи, хотя ещё не полночь.

Набегавшись, Крыс нашла меня в тёмной комнате и вскарабкалась опять на любимое своё место, на моё плечо. Бросание камешков прекратилось. Пошёл дождь, стало слышно, как он стучит о жестяные подоконники...

Стук в дверь... С Крыс на плече я отправился к двери.

– Кто там, чего надо?

– Эдуард, я ваш родственник, извините за поздний час, можно войти?

Родственников у меня немного, но появляются. Дочь одной из моих двоюродных сестёр живёт в Магадане. Она ветеринарный врач. И даже лечила как-то собачку губернатора Цветкова, которого потом убили в Москве на Арбате.

– Назовите себя.

– Меня зовут Юрий. Я сын вашего отца.

Я открыл ему дверь, отпер два замка и задвижку отодвинул, продолжая осознавать, что он такое сказал. А сказал он ни много ни мало, что он мой брат. Между тем я вырос единственным ребенком в семье.

– Ради бога, извините, что я так вот, ночью. Но у меня завтра поезд. Он снял кепку и оказался лысым мужчиной, седая растительность сохранилась лишь над ушами и на затылке. Морщинистое белое лицо.

И тут я его идентифицировал: он был на вечеринке немецкого журнала. Стоял в сторонке и поглядывал на меня. Я, впрочем, привык, что меня разглядывают, на улицах даже бывает пальцем тычут, в бока друг друга толкают локтями: «смотри, вон кто идёт...».

– Вы откуда сами, Юрий, будете? Зачем выследили меня?

– Город Глазов, Удмуртия. Вам ничего город Глазов не говорит?

– Город Глазов мне говорит. Пойдёмте в мой кабинет.

Я включил верхний свет.

– Снимите вашу куртку. Садитесь.

Он снял джинсовую куртку со множеством пуговиц и прострочек, и заклёпок. Её,

такую, можно носить и зимой. Такие любят провинциалы. Куртка у него была мокрая. Интересно, что дочь моей двоюродной сестры из Магадана также всегда одета в джинсу: пальто её с разводами и вшитыми камнями помню. Она посещала меня несколько раз, приезжая в Москву на конгресс ветеринаров. Он сел в кресло, доставшееся мне в наследство от одной политической организации. И стал улыбаться.

– У вас крыса, – сказал он.

– А как вы думали... Конечно, крыса, у такого как я. Так вы Вениаминович? – Я сел в другое, точно такое же кресло.

– Да. Юрий Вениаминович...

– Надо же!..

Я думал, это всего лишь семейная легенда, ревнивые фантазии моей юной матери. Фантазии о сопернице в марийской тайге.

– В удмуртской, – поправил он.

– Мать говорила «в марийской». Он там дезертиров ловил. С мандатом, лично подписанным Берией.

– Всё правильно, только в удмуртской тайге. Молодым лейтенантом.

– Мать рассказывала, что считала уже, что потеряла его. Что у него там другая семья была, в марийских снегах, в 1943-м. Тотчас после моего рождения.

– Да, это так всё и было, только в удмуртских снегах. Рассказать вам всё по порядку? А потом вы мне расскажете о нём...

– Рассказать... Может, хотите чаю?

– Нет, чаю не хочу. Ну вот, я значит вас на год младше, 1944 года рождения. И вашего года рождения, и моего, как вы знаете, очень мало в России родилось. Поколение не получилось, да и на пол поколения не наберётся, потому что подавляющее большинство мужчин находились тогда вдали от женщин, на фронтах. На фронтах женщины бывали, но в ограниченном количестве и такого характера женщины, что не для деторождения предназначены. Наш с вами отец, Вениамин Иванович, на фронты не попал вследствие счастливого для него стечения обстоятельств. Призвался он в 1937-м, попал в особый полк ОГПУ и буквально накануне войны остался служить на сверхсрочную службу. Когда началась война, то НКВД своих людей попусту не тратил, берегли их. Брат отца, младший, Юрий, в честь его меня и называли, был призван в дикой спешке. Их, не переодев даже, бросили на фронт под Псковом, там он и погиб, даже тела не собрали. Пропал без вести... Да вы, наверное, знаете все эти подробности биографии отца не хуже чем я!

– Знаю.

– Отец приехал в Глазов в 1943-м. Дезертирство было распространенным. Прятались в лесах, варили там свои каши, сбивались в банды и были опасны для местного населения. Мать говорит, он был очень красивый... А как на гитаре играл!..

– Сейчас под себя ходит. Мать таскала его в туалет, порвала себе позвоночник, теперь сажает в стул с дырой в сиденье, внизу ведро. Туда и ходит, прямо у постели. Вот что вытворяет время... – промычал я. Отцу восемьдесят шесть, и он уже год как не встаёт с постели. Он ничем не болен. Ему надоело жить, и только. Он собрался умирать.

– Я так и не решился к нему поехать, – сказал он. – Если честно признаться, то родственные чувства охватили меня сравнительно недавно. Пришли вместе со старостью. Так, видимо, современный человек устроен.

– Меня, после того как освободился из лагеря, в Украину не пустили в прошлом году. Задержали в КПП под названием Гоптівка, долго думали, что со мной делать. Наконец, ссылаясь на некие постановления их службы Безпекі, что есть эквивалент нашего ФСБ, запретили мне въезд в Украину до 25 липня 2008 года. Так что я отца в его нынешнем, жалком виде не видел, слава богу.

– Как зовут вашу маму?

– Софья. София.

– Это что, удмуртское имя?

– Да нет, нормальное, русское. Но она, да, удмуртка.

– Она жива?

– Жива. Живёт с нами, в моей семье. Она 1921 года рождения.

– Того же года, что и моя мать.

Мы помолчали.

– А братья и сёстры у вас есть, Юрий?

– Есть. Два сводных брата. У мамы от другого отца. Он уже умер. Мы опять замолчали.

– Я читал ваши книги о вашей семье. «У нас была великая эпоха» и «Подростка» читал. В «Великой эпохе» наш отец мне понравился. Прочёл я эти ваши книги сравнительно недавно. И маме давал читать.

– Ну и как она реагировала?

– Да сидела, молчала и улыбалась... Потом стала вспоминать, как он приехал зимой 1943 года в длиннополой шинели, худющий и молодой. Привезли его в санях красноармейцы, и среди вещей мама отметила гитару. Собственно, вещей

и не было особых. Худенький вещмешок, полевая сумка, пистолет на поясе. У нас полдома пустые стояли, и его определили к нам, чтоб не в казарме со всеми. Следователь всётаки. Особист. С мандатом.

– Это был, я понял, частный дом ваших деда и бабки?

– Ну да, Глазов и сейчас город не большой, стотысячник, а шестьдесят лет назад и вовсе был сонным, провинциальным. Частные дома в основном. У деда был двухэтажный дом с кирпичным низом. Отца наверх определили в комнату моих дядьёв, они тогда на фронте были все три. Одного уже убить успели. Вот отец там и расположился. Правда, вначале, мать рассказывала, он и ночевать не приходил. Ушёл с отрядом в тайгу. Через неделю вернулись. Стали дела на дезертиров оформлять. Тогда, правда, всё проще было. По законам военного времени дезертиры подлежали расстрелу. В ряде случаев следователи и судьями становились. Военная выездная коллегия или как там...

– Так отец следователем там работал? Или членом судебной тройки?

– Из того, что мама говорит, получается и то и то. Двойные обязанности исполнял. Точнее говоря, и тройные исполнял.

– Что вы имеете в виду?

– Людей было немного. Фронт обескровил страну. С дезертирами некогда было законность соблюдать. Ставили к стенке в старом молокозаводе. И в расход... Сами судили, сами приговор приводили в исполнение.

Мы помолчали.

– Так что, и отец ставил?

– Судя по вашим книгам, вас не должен смутить такой эпизод в биографии отца... Мать говорит, что да, он их стрелял... Мучился, правда, они же все его возраста, чуть моложе. Ему двадцать пять было. Светленькие такие парни. Удмурты же к угро-финнам принадлежат. Среди них много блондинов. Я вот тоже был, пока не поседел.

– Как мучился?..

– Ну что, не спал, засыпал, во сне стонал. Ходил по комнате.

– Вы считаете, что беленьких стрелять тяжелее, чем брюнетов?

– Да. Беленький как мальчик, мальчика напоминает, что-то такое. В мальчиков же нельзя... стрелять нельзя... Жалко...

– Можем ли мы его осуждать?

– Можем, думаю. Он замолчал... Только что толку, все эти сцены ведь в книге Неба навечно записаны. Там, где Зло, в той части Книги.

- Это что, Книга Неба? Традиционные удмуртские верования?
- Да. Инмар, Бог Неба, хранитель Книги Неба, время от времени перечитывает её. Листает.
- Вы что, в этом разбираетесь?
- Немного. Историю преподаю. В частном порядке интересуюсь традиционными удмуртскими верованиями. У нас сорок богов и божеств. Дед мой весь этот пантеон знал. А прадед и вовсе был «восясь», то есть главный жрец. Вениамин называл маму «шаманочкой». Потому, что она из рода, где были несколько «туно» и один «восясь». «Туно» – это знахарь, шаман.
- У вас с собой фотографии мамы нет? – Он покачал головой.
- Нет. Если бы знал, что вас встречу, захватил бы.
- А «шаманочка» чем в жизни занималась? И в тот день, когда Вениамин вылез из саней в длинной шинели, она кем была, что делала? Ей было двадцать два...
- Детей учила в начальной школе. После педагогического техникума учила детей.
- А как она выглядела?
- Косу носила одну, толстую и длинную белую косу. На всех фотографиях сразу замечаешь эту особенную косу. Красивая была. Блондинка, но ресницы густые, чёрные. Глаза – как лёд.
- У моей мамы тоже серые. И даже сейчас, у старухи, такие пронзительные, как у волчицы. Её в доме «волчицей» называют за глаза... соседи... Отец был бабником? Как вы думаете, Юрий?
- Вам виднее, я ведь его жизни не знаю. Я и родился без него, вне брака.
- К тому времени, когда я обрёл сознание, он, вроде, не проявлял уже своих, как бы сказать, «наклонностей», что ли. Но мать отчего-то страдала, я помню. Они по ночам иногда препирались. Не ругались, но она его отчитывала, а он односложно отвечал. Я, кстати, тоже вне брака родился, они только в 1951 году расписались в ЗАГСе.
- Видимо, был бабником. Две семьи в возрасте двадцати пяти лет не так уж обычно... Он же у нас целый год пробыл, с мамкой у всех на виду жил. Ей нелегко было. Он же чужой, приехал, наших по лесам ловил, судил и расстреливал. Там сцены бывали порой, душераздирающие, мать рассказывала. Однажды прибрела мать дезертира, откуда-то узнала, где он живёт, дождалась и к сапогам его бух... Заревела. «Пощади, родной, сына! Ты сам мальчик худенький, совсем мальчик, не казни моего мальчика...».
- А отец что?
- А что он мог сделать? Помиловать не мог. Ему и не позволили бы. Он и в тройке

старшим не был. С ним капитан был из местного НКВД, старше по званию. Поднял её. «Уходите, говорит, а то, и вас арестуют».

– А мандат, подписанный Берией?

– Мандат значил много, но решала судьбу тройка. А судьба была в тот год одна – расстрел. К тому же тот «мальчик», за которого мать его к сапогам нашего отца падала, был взят в результате боя с дезертирами. Они обороняли свой схрон, стреляли. Какая уж тут пощада... За этот бой отец получил свой первый орден Красной Звезды...

– А есть второй орден? Я знаю только об одном.

– Есть второй. К концу года был награждён второй раз. Вот за что именно не скажу. Но тоже за борьбу с дезертирами наверняка. Потому что он ещё в Глазове находился, а никакой другой деятельности, кроме борьбы с дезертирами, он в Удмуртии не вёл.

– Значит, за второй схрон получил. Видимо...

Дождь стучал настырный, потому что была сильная оттепель, какие бывают в марте в Москве. Мы сидели, два седых человека, обсуждая деяния двадцатипятилетнего нашего отца, который обоим нам дал жизнь, заронив своё семя в двух разных женщин.

– Вы представляете, Юрий, тайга, тёмные деревья, снег, рассвета ещё нет. В предрассветных сумерках движутся цепью среди деревьев красноармейцы в длинных шинелях. Подбираются ближе к схрону. Из землянки чуть-чуть ещё идёт дым от вечерних дров, накануне вечером дезертиры сытно накормили печку, чтоб спать было тепло. Там они лежат, прикрывшись полушубками, белесые и конопатые крестьянские угро-финские парни. Темноволосых немного. Распарились в сырой духоте землянки. А цепь всё теснее смыкается вокруг землянки. Наконец наш отец, с пистолетом в руке, вместе с парой рослых красноармейцев вышибают дверь землянки своими телами. Врываются в сопящие тёплые сумерки. Навстречу им стреляют из обрезов. Красноармеец падает. Наш отец даже не ранен... Красноармейцы выволакивают дезертиров на снег. Дезертиры в исподнем. Кто в белом солдатском белье, кто в крестьянском. Руки заломаны... Руки подняты. Светает. Они стоят босые на снегу и дрожат все от холода. Представляете, Юрий?..

– У вас писательское сильное воображение. Мне даже стало холодно. – Юрий поёжился.

– Воображение тут ни при чём. Меня самого именно так арестовывали. В горах на Алтае – в снегу, в избушке. Нас было восемь человек в избушке. Был смутный рассвет. Жарко натоплено. Один из нас встал и вышел отлить. Сонный заметил стягивающуюся к избушке цепь стрелков, сводный отряд ФСБ. Вбежал, кричит, что там военных целый лес. Их-таки оказалось свыше семидесяти бойцов. Ворвались с дикими криками. Все кричали разное: «Лежать!», «К стене!», «Руки за головы!», «Лежать, суки!», «Встать, суки!» Ясно, что исполнить все их приказы

сразу было невозможно. Мы остались лежать, кто где был. Потом нас стали выволакивать по одному. Босиком. Кто спал в носках, оказался в лучшем положении, потому что нас долго продержали на снегу, как мы были, босиком, и в исподнем с поднятыми руками. Потом позволили одеться и отвели в баню. Там мы ещё долго сидели, нас выводили допрашивать.

– Страшно было?

– Страшно. Мы поначалу решили, что это казахская национальная безопасность с той стороны границы. Думали, что они нас всех поубивают где-нибудь на краю ущелья. Медведи, волки и птицы довершат остальное. Но это оказались «наши». Ещё видео сняли, как мы стоим, выгнанные на снег, руки за головами, в исподнем, босиком. Для истории останется. Так что очень хорошо представляю, что чувствовали дезертиры, когда наш отец туда в их сонный схрон ввалился с красноармейцами.

– Получается, что вы в тот момент с отцом оказались как бы по разные стороны фронта? Отец наш был всегда на стороне государства... А вы побывали в шкуре дезертиров.

– Это всё так, но в Алтайских горах меня арестовали, чтобы обвинить в подготовке захвата и отделения от соседнего Казахстана Восточно-Казахстанской области. В попытке создания сепаратистского государства с последующей целью присоединения его к России. Таким образом, наш отец, если бы он был в сводном отряде ФСБ в то утро, не был бы на стороне России. В то время как в 1943-м он был на правильной стороне... В 2001-м я был на стороне России.

Мы замолчали.

– Может, вина хотите? Водки нет...

– Да я не пью вовсе.

– Что и на дни рождения не пьёте, и на Новый год? И не курите, наверное?

– И не курю. Когда выпил однажды две рюмки, болел потом.

– Вы как он. Не пил и не курил всю жизнь. Непьющие и некурящие чекисты, наверное, были самыми страшными. Этакие аскеты Кашеи.

– Я не злой человек, – улыбнулся он. – А что, он так и не пьёт до сих пор?

– Какой пить, в лёжку лежит, ссохся весь, мать говорит, голова ссохлась, как старый орех. Еле говорит. Мать с ужасом призналась мне на той неделе по телефону, что адски устала, что ждёт, чтобы он умер. Что ей унизительно видеть его, когда-то красивого, обаятельного, беспомощно лежащего на полу, измазанного дерьмом... Это она, с которой вместе прожили шестьдесят два года, ждёт его смерти!

– С моей мамкой он прожил год, – сказал Юрий.

– Вот как печален, некрасив, и даже страшен конец таких вот героев, как наш батя. Интересно, что он о своих орденах Красной Звезды молчал, может, стеснялся, что они не на фронте получены.

– А почему у отца карьеры в армии не получилось? Насколько я знаю, он ведь проходил в старших лейтенантах чуть ли не лет двадцать. И только перед уходом из армии звание капитана получил, так ведь? Как так, ведь он же умница был...

– На эту тему отец никогда не высказывался, как и на многие другие темы. Я подозреваю, что он, пусть он и был младшим офицером, принадлежал к какой-то подавленной и расстрелянной чекистской группировке. Его оставили на свободе и живым только потому, что он был простой исполнитель. Знаете, Юрий, когда стали появляться машинные копии Солженицына, у меня, помню, состоялся с отцом разговор, году в 1968-м, по-моему, это случилось. Я приехал из Москвы, где провёл год, и стал ему выкладывать свои новоприобретённые знания о ГУЛАГе, о репрессиях 1930-х годов. Он мне вдруг сказал: «Я читал вашего Солженицына! Что он знает, он ничего не знает! Я видел такое, что страши, которыми он страшает, – детский лепет... Вот если бы я написал...» И отец замолчал. Больше никогда я от него на эту тему ничего не слышал. Я думаю, он участвовал в жутких вещах, может быть, даже почернее, чем охота на дезертиров в удмуртской тайге и их ликвидация...

Мы замолчали. Словно нам потребовалась передышка, чтобы зарядить свои внутренние аккумуляторы. Наш общий отец нас с ним измотал. Сидели и молчали. Моя крыса внимательно слушала тишину с моего плеча.

– В «Подростке» у вас есть сцена, где вы...

– Давай на «ты», наверное, перейдём, брат. А то как-то странно мы стали звучать.

– Давай, брат. В «Подростке» есть сцена, где герой, ну то есть ты, едет встречать отца на вокзал и отыскивает его в тупике на задних путях. Где отец возглавляет конвоиров, загоняющих заключённых из вагон-зэка в автозаки. Это правда было или придумано?

– Правда было. В пятидесятые годы отец служил в конвойных войсках. Уезжал в далёкие командировки в Сибирь. От меня, впрочем, как и от соседей, скрывали, где он работает. Я случайно набрёл на эту сцену. До сих пор ярко помню. Зэков мне стало жалко мгновенно. Может, я предчувствовал, что однажды сам стану заключённым.

Он посмотрел на часы.

– Оставайтесь у меня. Переночуете. Метро давно закрыли, а такси в моей промзоне поймать непросто.

– Не могу, меня приятель в машине ждёт. Мы ведь за вами ехали.

– Так вы меня после презентации выследили?

- Да, – скромно потупился он.
- Недаром вы сын чекиста.
- Мы же уже на «ты». Ты тоже сын чекиста.
- А откуда ты узнал, что я буду на презентации?
- Есть такая сеть, интернет. Там написали, что среди других гостей ожидаешься ты. Михаил мне показал сообщение. Мы поехали. Пройти было нетрудно.
- Михаил это твой приятель? Который в машине?
- Да, он сюда лет двадцать назад переехал. Из Глазова.
- Позови его. Чего он там сидит в темноте в машине.
- Да нестоит, мы уже поедem. У меня завтра рано поезд, – он встал.
- Ну как хотите, Юрий. Я тоже встал. Я дал ему свою свежеизготовленную простую визитную карточку, лаконично нёсшую на себе только имя, фамилию, номер мобильного телефона. Он, подойдя к моему письменному столу, записал мне номер его глазовского телефона. На столе сидела крыса. Он сказал ей, улынувшись:
- До свиданья, Крыс!
- Крыса поняла и пискнула. И поднялась на задние лапы в знак дружелюбия.
- Юрий одел куртку. Мы пошли к дверям, я впереди. Я отпер все замки, и он переступил порог. Обернулся.
- Вы его любите, Эдуард?
- Люблю ли я моего отца? Я люблю моего отца, кого бы он там ни стрелял, да хоть гугенотов, будь он католик во время Варфоломеевской резни. Это же мой отец, юноша, который создал меня из любви к юной девушке. Вас он создал от любви к «шаманочке».
- Как ваша мама называла отца? – «Веничка». – Моя мама тоже называла его «Веничка».
- Наш отец умер в самом конце марта. Через неделю после ночного визита ко мне брата... Юрий никогда не позвонил и не появился. Возможно, мой брат тоже умер. Все ведь умирают. Без исключения.

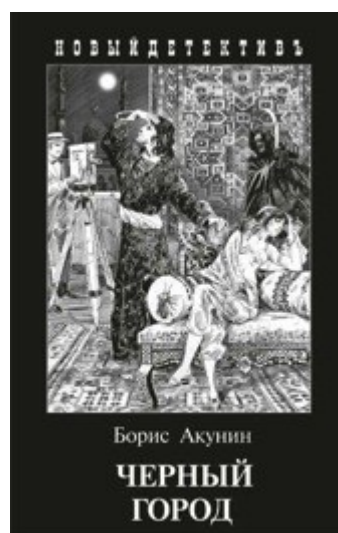
Борис Акунин

Чёрный город

Zakharov Books, 2012

ISBN 978-5-8159-1145-1

Extract

Охота на Одиссея

— ...Одиссей пошел от залива по лесной тропинке к тому месту, которое ему указала Афина. Но не дошел туда. Исчез!

Последнее слово ночной визитер прошептал с таким ужасом, что задрожали кончики нафабренных усов. На погоне с императорским вензелем вспыхнул блик от лампы.

Абсурд, подумал Эраст Петрович. Химера. Сидишь в гостиничном номере, читаешь «Вишневый сад», в очередной раз пытаешься понять, почему автор назвал эту невыносимо грустную пьесу комедией. Вдруг врывается сумасшедший в генеральском мундире и начинает нести околесицу. Про Одиссея, про Афины, про какой-то «манлихер» с оптическим прицелом. Через слово повторяет: «Вы один можете спасти честь старого солдата». В выпученных глазах слезы. Будто ожил персонаж из ранней чеховской пьесы — той поры, когда Антон Павлович был молод, здоров и сочинял водевили.

— Зачем вы мне всё это рассказываете? За к-кого вы, собственно, меня принимаете? — спросил Фандорин, от раздражения заикаясь сильнее обычного.

— То есть как? Разве вы не Эраст Петрович Фандорин? Я ошибся номером? — в ужасной панике вскричал незванный посетитель.

Он вообще-то представился, этот чудаки. Да Фандорин и так бы его узнал. Личность известная. Столичные карикатуристы очень похоже изображают торчащие усы, монументальный нос, седую бороденку. Генерал Ломбадзе, собственной персоной. Градоначальник Ялты, где августейшее семейство проводит по три-четыре месяца в году. Поэтому небольшой крымский городок имеет особый статус, а его управитель наделен чрезвычайными правами и полномочиями. Самодурство и всеподданнейшее рвение ялтинского начальника давно стали притчей во языцех. Левые газеты прозвали генерала «придворным мопсом» и шутят, что по утрам он в зубах приносит его величеству тапочки.

— Да, я Фандорин. Так что же?

— Ага! Мне докладывают обо всех приезжих! — торжествующе воздел

палец Ломбадзе. — Вы знаменитый сыщик. Прибыли из Москвы. Не знаю, какое расследование привело вас в мой город, но вы должны немедленно бросить все дела!

— И не подумаю. Я член к-комиссии по наследию Чехова и приехал в Ялту по приглашению сестры покойного. Через месяц исполняется десять лет со дня кончины Антона Павловича, я участвую в подготовительных мероприятиях.

Это была истинная правда — в почтенную комиссию Эраста Петровича пригласили после одного небольшого расследования, в ходе которого он помог найти пропавшую рукопись писателя.

Однако генерал сердито фыркнул.

— Так я вам и поверил! Послушайте, меня не интересует, на кого вы сейчас работаете! Здесь дело колоссальной важности! Жизнь государя в опасности! До рассвета всего два часа. Говорят же вам: Одиссей не явился к условленному месту. Теперь он бродит где-то вокруг Ливадийского дворца, и в руках у него «манлихер» с оптическим прицелом! Это катастрофа!

В голову Фандорину одновременно пришли две совершенно несвязанные мысли (была у его мозга такая странная особенность). Во-первых, он вдруг понял, почему «Вишневый сад» комедия. Это пьеса, написанная чахоточным больным, который предчувствует, что его грустная жизнь закончится фарсом. Скоро он умрет на чужбине, и его привезут назад в вагоне-холодильнике с надписью «устрицы». Типично чеховский прием комедийного снижения трагической ситуации.

А во-вторых, в заполошном бреде градоначальника забрезжил смысл.

— Одиссей — это террорист? — остановил Фандорин бестолковое многословие его превосходительства.

— Очень опасный! Четырнадцать лет в розыске! Невероятной изворотливости! Отсюда и кличка!

— Афина — это ваш агент-provокатор?

— Что за терминология! Достоянейшая дама, которая сотрудничает с нами из патриотизма. Она член большевистской партии. Когда Одиссей явился к ней,

назвал пароль и объяснил, что хочет умертвить венценосца... — Генерал захлебнулся от переполнявших его чувств. — ...Афина, разумеется, сообщила в Охранное.

— Почему вы немедленно его не арестовали? Правильно ли я понял, что вы сами снабдили его с-снайперской винтовкой?

Ломбадзе вытер платком багровый лоб.

— Одиссей поручил Афине добыть для него оружие и обеспечить проход в Особую зону, — промямлил он. — Я подумал, что будет эффективней, если мы возьмем злодея на месте предполагаемого цареубийства с оружием в руках. Тогда он не отделается каторгой, а пойдет на виселицу...

«Ну а ты получишь награду за спасение государя», мысленно завершил Фандорин несложную логическую цепочку.

— Надеюсь, винтовка неисправна?

Градоначальник запыхтел.

Ялтинский градоначальник

— Одиссей чрезвычайно въедливый тип. Никому не доверяет. Если бы он обнаружил, что сточен боек или, допустим...

— Ясно. Прицел, очевидно, тоже в идеальном состоянии? П-превосходно. И ваша дура Афина провела Одиссея прямиком на территорию царского имения?

— Нет-нет! Территория, расположенная непосредственно вокруг резиденции, находится в ведении чинов дворцовой полиции. Афина провела злоумышленника только через внешнее оцепление Особой зоны — мои люди охраняют периметр Царской тропы.

Эраст Петрович знал, что так называется терренкур, проложенный по приморским горам от Ливадийского дворца до Гаспры. По этой живописной аллее, если верить «Придворной хронике», царь совершает ежедневные променады в одиночестве либо в интимном кругу. Посторонним на Тропу хода нет.

— Но терренкур, если я не ошибаюсь, длиной в шесть верст. Сверху сплошные утесы. Там можно устроить з-засаду в ста разных местах!

— В том-то и беда. Афина указала Одиссею тропинку и велела идти по ней. Наверху уединенная площадка, где мерзавцу было бы очень удобно расположиться — местность просматривается как на ладони. Если б мы взяли там террориста с винтовкой, никакой адвокат, хоть сам Керенский, не спас бы его от эшафота. Конечно, я не собирался рисковать жизнью его величества. Мерзавца схватили бы еще затемно. Утром его величество проснулся бы, а дело уже сделано...

«Тапочки доставлены», подумал Фандорин.

— Благодаря вам Одиссей получил оружие и теперь бродит непонятно где среди гор и кустарников на территории в несколько тысяч десятин. Ну и пусть себе б-бродит, — пожал плечами Фандорин. — Доложите государю. Обойдется денек без Царской тропы. Пока дворцовая полиция и ваши люди не прочешут всю зону.

Его превосходительство вскочил со стула.

— А если убийца сумел прокрасться в дворцовый парк? Или засел где-нибудь снаружи — на холме, на дереве? Он ведь может выстрелить и через окно! У него оптический прицел! Вы не знаете, что это за человек. В Баку он застрелил четырех агентов, пытавшихся его задержать. Это дьявол! — Генерал понурился. — Кроме того, если государь узнает подробности... — Он всхлипнул. — Тридцать лет беспорочной службы... Позор, отставка...

Последнее соображение Фандорина не тронуло, но от первого отмахнуться было невозможно.

— Досье Одиссея при вас?

Ломбадзе поспешно вынул из портфеля пухлую папку.

— Ради Всевышнего, скорее! Государь просыпается в семь. Первое, что делает, распахивает окна...

Настоящее имя у Одиссея было непримечательное: Иван Иванович Иванцов. Буква «ц», всунувшаяся в абсолютно бесцветное прозвание ближе к концу, придавала фамилии легкую насмешинку, издевательское прищипывание. Впрочем, как этого субъекта звали на заре жизни, не имело значения. Дальше следовал длинный перечень фальшивых имен и подпольных кличек. Имена Фандорин пропустил, клички прочел очень внимательно. По тому, какие прозвища человек себе выбирает, можно кое-что понять о его характере. Судя по этому параметру, преступник был любителем пернатых — клички были сплошь птичьи («Одиссеем» его окрестила Охранка).

На нелегальное положение революционер перешел очень давно. Ни разу не арестовывался, а стало быть, антропометрии не подвергался и отпечатки пальцев не снимались. Эраст Петрович задержал взгляд на единственной фотографии, снятой в первый год нового столетия. С карточки смотрел студент с веселыми глазами и крепко сжатым ртом. Лицо это Фандорину сильно не понравилось: умное, волевое, притом с чертовщинкой. Из таких юношей при определенном стечении жизненных обстоятельств получаются чрезвычайно опасные индивидуумы. Эраст Петрович знал это по собственному примеру.

Своей революционной карьерой Одиссей полностью оправдывал физиогномический прогноз. Убийство двух губернаторов, поставки оружия для московского восстания 1905 года, дерзкие экспроприации. Личный

представитель большевистского вождя «Ленина» (даже Фандорину, далекому от политического сыска, эта кличка была известна), сообщник кавказского боевика «Кобы» (про такого Эрасту Петровичу слышать не доводилось). В последнее время местопребывание неизвестно. Предполагалось, что объект уехал за границу. Ну, если и уезжал, то, выходит, вернулся.

— Ладно. — Эраст Петрович вернул папку. — Едем в к-куратник.

— Куда?

— В курятник, куда вы запустили лису.

Его превосходительство задохнулся от возмущения.

— Не смейте так говорить о резиденции Помазанника, венчанного России на царство самим Богом!

— Лучше бы Господь обвенчал Россию с каким-нибудь другим ж-женихом, подаровитей, — отрезал Фандорин, быстро одеваясь. — Не кипятитесь, генерал. Пока мы будем препираться, Россия может овдоветь.

Аргумент подействовал. Градоначальник сам подал Фандорину пиджак. К экипажу они спустились бегом.

— А нельзя обнаружить злоумышленника, не заезжая во дворец? — вкрадчиво спросил генерал, пригнувшись к самому уху москвича — колеса слишком грохотали по булыжнику. — Я столько слышал о ваших аналитических способностях.

— Здесь нужен не аналитик, а с-следо-пыт. В любом случае придется будить начальника дворцовой полиции.

Ломбадзе горестно вздохнул.

Ехали берегом. Море перед рассветом почти совершенно слилось с черным небом, но по самой границе двух стихий уже пролегла светящаяся кайма.

Со Спиридоновым, начальником царской охраны, Эрасту Петровичу приходилось сталкиваться и прежде. У обеих сторон встреча оставила малопрятные воспоминания, поэтому обошлись без рукопожатий.

Надо отдать полковнику должное. Поднятый с постели, он не задал ни одного ненужного вопроса, хоть и насупил брови при виде Фандорина. Суть дела ухватил моментально. Ломбадзе еще воздевал руки, заклинал, дрожал усами, а полковник уже не слушал. Он напряженно размышлял.

Этот тридцатисемилетний офицер, сделавший молниеносную карьеру сначала в Жандармском корпусе, а затем в Охранном отделении, был одним из самых ненавидимых людей в России. Счет революционеров, повешенных его стараниями, шел на десятки; отправленных в каторжные работы — на сотни. Четыре раза его пытались убить, но полковник был осторожен и увертлив. Именно за эти качества его не так давно назначили начальником Дворцовой полиции — кто лучше Спиридонова обережет священную особу императора? Злые языки поговаривали, что полковник отлично устроился: двести превосходно обученных телохранителей защищали от террористов не только царя, но и самого Спиридонова.

Первая же реплика полковника подтвердила его репутацию человека дальновидного.

— Хорошо, генерал, — прервал он причитания градоначальника. — Я не буду докладывать императору. Если мы решим нашу маленькую проблему до пробуждения его величества.

Фандорин поразился лишь в первое мгновение. Потом понял: неслыханное великодушие объясняется очень просто. У Спиридонова появилась возможность сделать ялтинского наместника своим вечным должником.

Далее скупой на слова полковник обернулся к сыщику.

— Раз вы здесь, — сказал он, не называя Фандорина по имени, — значит, у вас уже есть план. Выкладывайте.

Эраст Петрович так же холодно спросил:

— Где находится царская купальня? Всем известно, что перед завтраком государь плавает в море, в любую погоду.

— В конце вон той аллеи. Как видите, дорожка надежно укрыта деревьями и абсолютно безопасна.

— А к-купальня? Тоже укрыта?

Полковник нахмурился и покачал головой.

— Тогда три вещи, — пожал плечами Фандорин. — Прочесать территорию вокруг дворца. Это раз. Выставить караулы за оградой на всех точках, откуда можно вести п-прицельный огонь по окнам. Это два. Однако я уверен, что террорист засел где-нибудь на возвышенности, откуда просматривается купальня. Есть поблизости такое место?

Летняя имперская резиденция

— Почему вы так в этом уверены? — вмешался Ломбадзе. — Негодяй может устроить засаду на всем протяжении Царской тропы!

— Помолчите, — оборвал его Спиридонов. — Одиссей понимает, что государя предупредят об опасности. Прогулки по Царской тропе сегодня не будет. Но резона отказываться от купания у императора нет — ведь это территория парка, а сюда и мышь не проскочит... Есть такое место, — продолжил он, уже обращаясь к Фандорину. — Лимонная роща на холме. До купальни метров пятьсот. Хороший стрелок, пожалуй, из снайперской винтовки не промахнется. Вы правы. Там мы его и сцапем.

Чины дворцовой охраны

Они вышли за ворота: полковник с четырьмя агентами и Фандорин. Песчаная дорожка в сиянии зари казалась малиновой.

— Я понимаю, почему вы не взяли с собой генерала. Он пыхтит, как паровой к-каток. Но почему только четыре охранника? — с любопытством спросил Эраст Петрович.

— Это лучшие из моих волкодавов. Чем меньше людей, тем больше шансов взять Одиссея живьем... Вон она, лимонная роща. Марш вперед, ребята, вас учить не надо. А вы, сударь, птица вольная. Желаете размяться — милости прошу.

Агенты разделились: двое нырнули в кусты слева от дорожки, двое справа. Сам полковник предпочел остаться на месте. Лезть через кусты, рискуя нарваться на пулю, в его намерения не входило. Фандорин подумал-подумал и двинулся вперед. Не для того, чтоб «размяться». Интересно было посмотреть, каковы в деле спиридоновские «волкодавы».

Он успел сделать всего несколько шагов, когда сверху ударил выстрел. По горам прокатилось эхо, а полковник издал странный, хрюкающий звук, заставивший Эраста Петровича обернуться.

Спиридонов стоял, нелепо растопырив руки. Его глаза закатились кверху, будто пытаясь разглядеть собственный лоб. Прямо посередине там чернела аккуратная дырка. Покачавшись, убитый рухнул на спину. Из кустов выскочили «волкодавы», кинулись к своему начальнику. Отовсюду — слева, справа, снизу, сверху — доносились крики и топот. Это бежали на выстрел со своих постов ялтинские жандармы и агенты дворцовой полиции.

Фандорин ринулся туда, откуда секунду назад прогремел выстрел. Сыщик неся по склону зигзагом, огибая лимонные деревья. Это упражнение, называемое «инадзума-басири», входило в его программу ежедневных экзерциций, поэтому на вершине он оказался уже через две минуты.

Но все равно опоздал. На земле лежала винтовка с оптическим прицелом. Под ней белел листок.

Это был отпечатанный на гектографе приговор, который партия вынесла «кровавой собаке» Спиридонову. Внизу приписка карандашом:

«Приведен в исполнение 14 (1) июня 1914 г. Всем, кто помог, мерси. А ваш коронованный остолоп нам даром не нужен. Он наш главный союзник в борьбе с царизмом.

Ваш Одиссей».

Из зарослей на Эраста Петровича вылетел очумевший жандарм с револьвером.

— Ты кто? — гаркнул он, готовый палить.

— Я б-болван, — глухо ответил Фандорин, наливаясь краской. Не от быстрого подъема — от бешенства.

Однажды, много лет назад, с ним уже случилось нечто подобное. Но тогда Эраст Петрович был не повинен в случившемся, зато сегодня — непростительная оплошность! — сам вывел добычу на охотника...

Нет, не разлюбила!

За десять дней ярость не прошла, а лишь опустилась до катастрофически низкой температуры. Обыкновенно люди в гневе быстро вспыхивают и так же быстро перегорают. Фандорин же в таком состоянии (для него очень редком) словно бы застывал, и, если ярость не обретала выхода, в душе Эраста Петровича наступал ледниковый период.

Из Ялты он возвращался, будто наполненный бурлящим азотом, который, как известно, закипает при температуре минус двести градусов. Должно быть, таким же морозным пламенем питается неистовство чертей, обитающих в буддийском Лотосовом Аду, где царит вечный холод.

«От меня отвернулась удача, — горько думал Фандорин по пути с Курско-Нижегородского вокзала домой. — Много лет она была мне верна, я принимал ее дары как нечто само собой разумеющееся, а любовь Фортуны взяла и иссякла».

— Потому что болванов никто не любит! — пробормотал он вслух, так что извозчик оглянулся и спросил: «Чего изволите?»

— Б-быстрей езжай, — хмуро сказал пассажир, хотя торопиться ему было некуда и домой ехать совсем не хотелось.

Были времена, когда, возвращаясь к себе, в тихий флигель, спрятавшийся в глубине сонного Сверчкова переуллка, Эраст Петрович предвкушал отрадную передышку от суеты, сладость временного отшельничества и уединенных, приятных занятий. Но благословенная эпоха канула в прошлое.

Сверчков (Малый Успенский) переулок. Современный вид

Выйдя из коляски, Фандорин остановился подождать, пока выгрузят чемоданы. С тяжелым сердцем глядел он на два правых окна, завешанные

розовыми шторами. Чувство унижения, душевной усталости еще больше усилилось.

Эраст Петрович вздохнул. Он догадывался, с какого именно момента лишился расположения Фортуны. Кроме самого себя винить в этом было некого.

Однако в следующий миг сухое лицо помягчело, а губы под идеально подстриженными черными усиками даже раздвинулись в улыбке.

На крыльцо выскочил Маса, слуга и единственный на свете друг. Его круглая физиономия сияла счастьем. За две недели на голове у японца отрасли волосы — густой, жесткий бобрик. «Надо же, наполовину седой, — удивился Фандорин. — Тоже стареет. Сколько ему уже? Пятьдесят четыре».

Обычно Маса брился наголо — кинжалом из острейшей в мире стали «тамахаганэ». Но во время отлучек господина японец позволял волосам отрасти: во-первых, в знак печали, а во-вторых, «с्योंбы горова перестара дысять, а то сриськом много мысрей». Он считал, что, если господина рядом нет, то и мозг напрягать незачем. Пусть подремлет.

За тридцать шесть лет совместной жизни слуга научился понимать настроение Эраста Петровича с одного взгляда, без слов.

— Совсем прохо? — Поцокал языком, принимая саквояж и портплед. Однако не посторонился, загораживая Эрасту Петровичу вход во двор. — Не надо носичь в дом сторько зра. Пусчь останется тут.

Он был прав. Злобу лучше оставить снаружи, а то поселится в доме — трудно будет выгнать.

Фандорин отвернулся, чтобы не обжечь ни в чем не повинного японца своим ледяным пламенем. Закрыв глаза, отрегулировал дыхание — начал изгонять из души бесплодный гнев.

После убийства Спиридонова он попытался найти преступника по свежим следам. Но первые, самые драгоценные часы ушли на унижительные и бесполезные объяснения с дворцовой полицией, Охранным отделением, жандармами, придворным ведомством и прочими инстанциями, заботящимися о безопасности и благополучии его величества. О застреленном полковнике почти не вспоминали. Все были скандализированы тем, что террорист оказался так близко от священной особы императора. Каждый чин трясся за свою должность, все кричали, сваливали друг на друга ответственность — как обычно и случается, если в непосредственной близости от трона происходит чрезвычайное происшествие. Ялтинский градоначальник благоразумно слег с приступом грудной жабы, приключившимся прямо в момент доклада государю, — и тем заслужил себе прощение. В конце концов, ко всеобщему облегчению, вину свалили на того, кто уже не мог оправдаться — то есть на покойника. Разве не он по своей должности был обязан заботиться о безопасности резиденции? Во имя общественного спокойствия смерть Спиридонова была объявлена естественно-скоропостижной, а со всех посвященных истребовали подписку о неразглашении.

Лишь когда утихла административная истерика, Эраст Петрович получил возможность работать. Однако, хоть проторчал в чертовой Ялте больше недели, ни на какой след так и не вышел. Одиссей явился ниоткуда и исчез в никуда.

Он несомненно знал, что Афина — двойной агент, и отлично использовал это обстоятельство в своих целях. Уловка, которую он применил, чтобы исполнить приговор над Спиридоновым, в традиции японских «крадущихся» называется «убить комара на хвосте у тигра»: то есть сбить с толку противника, сделав вид, будто преследуешь большую цель, а на самом деле поразить малую. Товарищ Одиссей, большевистский ниндзя, исполнил классическую манипуляцию безукоризненно.

Несколько раз Фандорин продолжительно беседовал с Афиной, в которой не оказалось ничего божественного. Баба хитрая и даже изворотливая, но совсем не умная, что, впрочем, типично для двойных агентов.

Выяснилось, что телосложения Одиссея сухощавого, росту среднего, волосы коротко стриженные, борода и усы «умеренные», особых примет нет и вообще «глазу зацепиться не за что» — большое спасибо за такой словесный портрет. По юношеской фотографии Афина преступника не опознала — очень сильно изменился.

Ни на снайперской винтовке, ни дома у Афины преступник не оставил ни единого отпечатка пальцев — наверняка специально этим озаботился. Можно было подумать, что он, словно бесовское наваждение, привиделся одной только агентке, за ее грехи, а в реальности никакого Одиссея не существовало.

О том, что это не черт, а живой человек, свидетельствовали две маленькие оплошности, которые все-таки допустил этот сверхъестественно предусмотрительный субъект.

Во-первых, записка, оставленная на месте убийства. Даже не сама записка (графологический анализ ничем не обогатил картины), а подпись.

В 1905 году, согласно досье, бывший Иванцов называл себя Дроздом; на заре романтической революционной юности, в студенческом кружке, его звали Соколом. В донесении Тифлисского жандармского управления четыре года назад мелькнул некий Стриж, по описанию похожий на неуловимого Ивана Ивановича. При таком орнитологическом фетишизме специалисты из Охранки, раз уж они увлекаются античностью, должны были бы окрестить объекта Фениксом — за живучесть и несгораемость. Однако в секретной документации революционер проходит как Одиссей. И из подписи следует, что он это знал. Вывод: у преступника есть источник информации внутри какого-то из розыскных ведомств.

Впрочем, очень возможно, что, подписываясь агентурным прозвищем, товарищ Одиссей не совершил никакой оплошности, а просто хотел лишний раз показать язык правоохранителям — продемонстрировать, что ни в грош их не ставит.

Кое-какая польза от этой подсказки тем не менее была. Зная, что у Одиссея в дворцовой полиции, Охранке или Жандармском есть свой информатор, Фандорин не стал никому рассказывать о второй зацепке.

Начальственная истерика так запугала дуру Афины, что на официальных допросах она только плакала и каялась, не сообщая ничего нового. Фандорин же разговаривал с ней по-другому — сочувственно, по-отечески, хотя иногда хотелось треснуть неприятную даму по башке за тупость и ненаблюдательность. Во время четвертой по счету беседы Афина вспомнила одну мелочь.

Одиссей кому-то телефонировал, затворив дверь кабинета. Афина

прижалась ухом к створке и с полминуты подслушивала. (Звонок Фандорин потом отследил, но это ничего не дало. Абонент разговаривал с будкой на ялтинской телефонно-телеграфной станции.) Однако память у Афины была натренированная, поскольку агентов учат запоминать подслушанное слово в слово. Эраст Петрович проверил: женщина без труда повторила даже длинную фразу, произнесенную на японском.

Разговор, верней обрывок разговора, был такой:

Одиссей: «Отправляйся и проверь, всё ли по плану. Ровно через неделю буду на месте, подробно доложишь...»

После короткой реплики: «Где? Ну, давай в черном городе, у хромого. Там безопасно».

Снова короткая пауза, и потом: «Да, трехчасовым. Всё, бывай».

Вот и вся зацепка.

Итак, через неделю после разговора Одиссей намеревался куда-то прибыть «трехчасовым» — вероятно, поездом. Про пароходы так не говорят, потому что их прибытие зависит от погодных условий.

Какой город у Одиссея и его неизвестного собеседника называется «черным»?

Чертову уйму времени Фандорин проторчал над железнодорожным расписанием Российской империи, проверяя, в какие города поезда приходят в три часа ночи и в три пополудни. Таковых пунктов оказалось двадцать семь — за вычетом самых дальних вроде Дальнего Востока и Маньчжурии, куда из Ялты за неделю не доберешься. Ничего «черного» в названии этих городов не было, и даже ассоциаций не возникало.

Может быть, это название какого-нибудь заведения: «Черный Город»? На всякий случай Эраст Петрович отправил срочный запрос в акцизный департамент министерства финансов. Но нет, никаких трактиров, пивных и прочих заведений со столь inferнальным названием в регистрах не значилось. Вероятно, название было не официальное, а разговорное, для своих.

Вот и весь итог восьмидневного расследования. Две хилые ниточки, первая из которых, скорее всего, никакая не ниточка, а издевательство, вторая же оборвана и никуда не выводит.

Жизненная мудрость: «Благородный муж не выедаёт себе печенку из-за того, что невозможно исправить, а пожимает плечами и следует своим Путем дальше». Надо будет вечером записать в Никки. Хотя нет, это банальность, вариация на тему древней молитвы: «Боже, дай мне мудрости смириться с тем, чего я не могу изменить; дай мне мужества изменить то, что я могу изменить; дай мне ума отличить одно от другого».

Ум сказал Эрасту Петровичу: «Тут ничего поделать нельзя». Мудрость закряхтела — и согласилась.

Марина Степнова *Женщины Лазаря*

AST Books, 2011
ISBN 978-5-17-074715-3
Extract

Он появился в Москве ниоткуда, словно был воплощен Богом сразу на пороге второго МГУ, – хрустящим от мороза ноябрьским утром 1918 года. Услужливое воображение наверняка уже разложило перед вами веер смуглых от времени мрачных дагерротипов: холод, голод, разруха, оголтелое людоедство, ужас, братоубийство, тиф.

Однако на деле в Москве все обстояло не так уж плохо. С марта восемнадцатого года она вновь была объявлена столицей – правда, не очень ясно, какого именно государства, но зато торопливый переезд правительства из Петрограда гарантировал отсутствие на улицах пирующего на трупах воронья. В театр имени Комиссаржевской на аристофановскую «Лисистрату» валила отнюдь не опухшая с голоду публика, футбольная команда «Замоскворецкого клуба спорта» выиграла первенство города, а на теннисных кортах «Петровки» царил Всеволод Вербицкий, актер МХАТа, душа, красавчик, взявший в том же восемнадцатом году первое место на первом теннисном чемпионате революционной Москвы. В моду – с легкой руки Свердлова – входили приятно поскрипывающие кожанки для обоих полов, добыть с рук можно было все что угодно, и скуластые брюнетки все так же играли глазами и коленками, как в прежние, мирные и, пожалуй, даже скучноватые времена. Перебои с продуктами, близость немцев и толпы более или менее пьяной солдатни не казались несомненными предвестниками Апокалипсиса. Скорее уж – это были неизбежные издержки великого перелома: что-то, связанное столь же досадно и тесно, как прелестный дачный вечер и комары, влюбленность и женитьба, Масленица и жирная, уютно свернувшаяся за грудиной изжога.

Впрочем, обломков судеб и нехитрого человеческого мусора в Москве тоже образовалось преизрядно: свежесвершившейся революцией сорвало с места не то что целые сословия – народы. Особенно много было евреев – вот уж кому советская власть поначалу и сгоряча дала решительно все. Ошалевшие, нелепые, неприкаянные без привычной черты оседлости, они потянулись в столицу – не то мыкать своего невозможного иудейского счастья, не то

удостовериться лично, что – кончено, отмучились. Теперь уж наверняка. Самые пронырливые и сметливые уже привычно прилаживались, приспособлялись, притирались – кто к торговлишке, кто к стремительно обесценивающимся деньжатам, кто к невиданным прежде должностям, потихоньку, помаленьку, как говаривал зоологический антисемит и по совместительству великий русский писатель – тихими стопами-с.

Впрочем, некоторым приспособляться не было ни малейшего прока, поскольку лучшие сыны еврейского народа сами были участниками и вдохновителями русского бунта – и, надо сказать, бессмысленными участниками и беспощадными вдохновителями. Кстати, именно они стали и самыми первыми жертвами выпущенных на волю демонов, когда – спустя несколько ярких прерывистых лет – гигантская имперская свинья с хрюком поднялась из вековой лужи и принялась равнодушно пожирать собственных поросят, не разбирая особо, какие из них кошерные, а какие – не очень. Но в первые советские годы – ах, каким они были святым и неистовым воинством, эти юные комиссары, эти древние сыны Авраамовы! Неподкупные, фанатичные, безжалостные, прекрасные в своем идиотическом героизме, именно они придали русской революции тот отчетливый иудейский привкус, от которого и десятилетия спустя сами евреи яростно плевались – кто ядом, а кто и самой настоящей кровью. Это, как говорил академик Линдт, смотря с какой стороны рассудить.

Впрочем, сам Линдт не принадлежал ни к торговому, ни к комиссарскому сословию, да и вообще, признаться, находил в своем еврействе очень мало толку и проку. Иудеев он считал пугливым и мирным народцем с крайне неудачной исторической судьбой. Ну, подумайте сами – веками мелко торговать и мелко же унижаться, жить на узлах, ночами вздрагивать и жаться, зная, что, как ни старайся, при первой же заварушке все равно выпрут со всеми манатками за порог. Да еще и по шее наkostenяют. Просто так – чтоб под ногами не путались и чесноком своим не воняли.

Чалдонов мысленно крестился и мысленно же бормотал про хлеб наш насущный даждь нам днесь – родные, успокаивающие слова, почти не имевшие смысла, но словно елеем питавшие самые заскорузлые душевные горести и раны. И в унисон ему неслышно и невидимо молились – хоть и на другом языке, но все тому же Богу – поколения линдтовых предков, тихих скитальцев, отчаявшихся вечных жидов, действительно не создавших ни сложносочиненных дворцов, ни масштабных полотен, ни пышножопых скульптур – ничего, что жаль было бросить, отправляясь в очередное изгнание. Но именно это – непрестанное и горькое – молитвенное устремление так пропитало собой всю мировую культуру в целом, что из каждого угла торчали то тоскующие еврейские очи, то не менее тоскующие еврейские носы. Они – то есть, тыфу ты господи, вы, ну, конечно, вы – и есть всему разумному и цивилизованному божественная первопричина и духовный первоисточник. Съел, Лазарь?

Линдт пожимал плечами – гадостей, а уж тем более религиозных, он сроду не ел.

Чалдонову иногда казалось, что Создатель просто поторопился запихать гениальную линдтову сущность в первое попавшееся земное тело – словно Ему самому не под силу было удерживать эту самую сущность в руках. Ну, как будто

печеную картошку, раскаленную, обугленную, с лопнувшим сахаристым бочком, которую сперва честно перебрасываешь из ладони в ладонь, пытаешься остудить, а потом все равно роняешь в невидимую ночную траву, пропади ты пропадом, такая горячая – сил нет, ну хоть не в коровью лепеху угодила – и на том спасибо.

Подвернувшееся тело оказалось унизительно маленьким, щуплым и жилистым, так что продрогший ушастый солдатик, охранявший вход во второй МГУ в ноябре 1918 года, сперва принял Линдта за беспризорника – благо лохмотья на том были самые выдающиеся, как из Малого Императорского театра. Побираться будет, смекнул красноармеец и почти ласково приказал:

– Вали отсюда, жиденок, тут и спиздить-то нечего. Одни ученственные господа. У них у самих жрать нечего.

– Я к Чалдонову Сергею Александровичу, – вежливо, как взрослый, объяснил жиденок.

И твердо потребовал: – Доложите, пожалуйста.

К Чалдонову Линдта проводил секретарь физикоматематического факультета (с естественным, математическим и химико-фармацевтическим отделениями). На самом деле факультета и секретаря как бы не существовало, потому что весь факультет целиком – со всеми отделениями – еще находился в будущем, а секретарь, напротив, чтобы не свихнуться, хронически пребывал в своем уютном прошлом университетского приват-доцента – с верным жалованием и приличными званию духовно-нравственными исканиями. Однако Линдт, не знавший этих обстоятельств, не ощутил в ситуации равным счетом ничего безумного или гофманианского. Впрочем, он вообще был чужд пустым размышлениям о тщете всего сущего и истерически-эзотерическим закидонам. В этом смысле он был не русский и, уж конечно, не интеллигент. Просто крепко стоящий на земле гений – причем гений в самом биологическом смысле этого слова. Классическая патология головного мозга. Честно. Наверно, какая-то редкая мутация. Я не виноват, что так получилось.

Услышав за дверью скребущиеся и совершенно дворняжьи звуки, которыми секретарь кафедры обычно предвещал свое унылое появление, Сергей Александрович Чалдонов недовольно закричал.

Сергею Александровичу Чалдонову было некогда.

Вообще-то ему было некогда уже почти тринадцать лет – примерно с 1905 года, когда он – блестящий, между прочим, математик – на свою голову согласился стать директором Высших женских курсов. И понеслось: дрова, попечители, расширение, доклады, охваченные гормональными бурями курсистки – замуж, дуры, замуж срочно! Но теперь тогдашняя суета казалась Чалдонову приятной послеобеденной дремой. Потому что директор Высших женских курсов при батюшке-царе – это одно, а вот ты попробуй, мил человек, за месяц превратить эти самые Женские курсы во второй МГУ – да при новом революционном правительстве, которое по неопытности само не знает, чего хочет, но требует при этом – будь здоров. При помощи нагана.

Деликатно поцарапав лапкой дверь, секретарь засунул в кабинет плешистую голову. Чалдонов с тоской отложил в сторону протокол No 77/113 заседания коллегии народного комиссариата по просвещению. Протокол предписывал «преобразовать Высшие женские курсы во II Московский государственный университет, сделав его смешанным учебным заведением, но не считая его вновь создаваемым высшим учебным заведением».

В этой бумаге отвратительным было решительно все – желтоватый цвет, шероховатость, невыносимый для потомственного крестьянина казенно-плебейский тон («ассигновать на содержание курсов в виде аванса 1/12 представленной ими сметы»). Но ужаснее всего был список присутствующих на коллегии и абсолютно неведомых Чалдонову людей. Д.Н. Артемьев, В.И. Калинин, М.Н. Покровский, В.М. Познер и Д.Б. Калинин были еще хоть как-то выносимы. Но фамилия Ленгник, которая разом отдавала и зубной болью, и свифтовскими непроизносимыми гуингами, причиняла Сергею Александровичу прямо-таки физическое мучение. По счастью, заботливый ангел-хранитель избавил хронически не высыпающегося Чалдонова от совсем уже несносных подробностей – имени Ленгника (Фридрих Вильгельмович) и его партийных кличек (Курц и Кол). Иначе валяться бы будущему академику и лауреату на паркете нетопленного директорского кабинета – с собственноручно простреленной башкой. Да что вы там мнетесь. Павел Николаевич? Заходите. Что там? Очередное предписание сверху?

– Нет, Сергей Александрович. Не предписание. Тут к вам пришли, – сообщил секретарь, по-прежнему пребывая между коридором (тыльная часть) и чалдоновским кабинетом (голова). В каком-то смысле это тоже была привычная ему позиция между прошлым и будущим.

– И кто же это, черт возьми? – не сдержался Чалдонов, который зависшего меж двух миров секретаря по-человечески, конечно, очень жалел, но на работе, милстсдарь, все же надобно работать. Да-с! Работать! Несмотря ни на что!

Секретарь замешкался, не решаясь хоть как-нибудь классифицировать оборванного подростка, который, несмотря на очевидную вонючесть и немытость, держался с замечательным веселым спокойствием урожденно богатого и свободного человека.

– Передайте Сергею Александровичу, что у меня есть вопросы по динамике неголономных систем, – негромко подсказал Линдт. Опорки на нем красовались такие, что о самих ногах лучше было и не думать.

– Э-э-э-э, – отозвался секретарь, чем окончательно решил судьбу советской науки, потому что соскучившийся Линдт ловко отодвинул приват-доцентскую задницу, преграждавшую ему дорогу в светлое будущее, и без доклада вошел в огромный чалдоновский кабинет.

Больше всего это было похоже на заговор. Или на детскую игру, правила которой меняются и придумываются на ходу, так что в памяти только и остается, что ощущение прихотливого счастья, которое бывает доступно только в раннем и еще не осознающем себя детстве.

Они с Чалдоновым сидели за столом для заседаний и ловко, словно картежники, бросали друг другу засаленную практически до съедобности тетрадку, которую Линдт извлек откуда-то из-под груды своих лохмотьев. Чалдонов быстро писал на свободных листах какие-то невозможные для обычного человека буквы, цифры и слова, а принявший пас Линдт писал поверх этих букв и цифр другие – свои собственные, и оба игрока даже кричали иногда от почти телесного удовольствия, будто действительно резались в волейбол, хекая, напрягая звонкие, здоровые, идеальные мышцы и посылая друг другу такой же звонкий, здоровый, идеальный мяч.

А потом Линдт наконец завис на несколько минут над какой-то неслыханной формулой, больше похожей на сложное насекомое, ошестинившееся десятком хищных педипальп и хелицер. Чалдонов протарабанил по столу короткую нетерпеливую дробь.

– Ну-с?

– Я не знаю, – признался Линдт и прикрыл формулу рукой, словно боялся, будто она проскользнет сквозь его опухшие от холода пальцы и с тихим сухим шелестом скроется в потустороннем воздухе смеркающегося мира.

– То-то же, коллега! – с удовольствием резюмировал Чалдонов, и они с Линдтом вдруг засмеялись от радости, как будто это был не похрустывающий от ледяной грязи ноябрь восемнадцатого года, а июнь мирного и солнечного 1903-го, и перед ними лежала не тетрадка, а распеленутый, розовозады, довольный, сучащий толстыми ножками младенец, которого они только что – вдвоем – спасли от неминуемого несчастья. Может быть, даже от смерти.

– Вы возьмете меня учиться, Сергей Александрович? – тихо спросил Линдт, и как-то сразу стало ясно, что разводы и полосы на его обглоданном, мальчишеском лице – не от грязи, не от голода и даже не от тысячекилометровой усталости, потому что, знаете, по большей части приходилось все-таки пешком... Это были сумерки судьбы, тень большого, очень большого и страшно далекого дара, под сенью которого Линдту пришлось прожить уже восемнадцать лет своей огромной и торжественной жизни и надлежало прожить еще как минимум шестьдесят три.

– Учиться? – переспросил Чалдонов грозно. – Хуюшки! Учиться ему подавай – вы только посмотрите на этого гуся! Работать вы у меня будете, работать – и еще как!

Чалдонов с трудом вылез из-за стола, распахнул дверь кабинета и истошно заорал куда-то вглубь, вдаль, в неопределенно-личное будущее:

– Павел Николаевич, Павел Николаевич, немедленно оформите нового сотрудника! Вас как зовут, коллега? – спохватившись, Чалдонов повернулся к невиданному подкидышу.

Лазарь. Лазарь Иосифович Линдт.

Чалдонов кивнул – не то запоминая, не то отдавая честь, и, не дождавшись из будущего ответа, сам отправился на поиски утраченного приват-доцента. Когда через час он возвратился, обвешанный карточками, справками и анкетами, Лазарь Иосифович Линдт крепко спал, уронив прямо на открытую тетрадь вшивую нечесаную голову, и по лицу его – наконец-то! – плыли не тени демонских крыльев, а торопливая рябь коротких и, кажется, совершенно детских сновидений.

Вечером Чалдонов привел Линдта к себе домой, на Остоженку, – в огромную профессорскую квартиру, сумеречную, поскрипывающую, аппетитно пропахшую книгами в хороших переплетах и степенными домашними обедами – на пять гостей и четыре перемены блюд. Перед дверью Чалдонов на мгновение внутренне замешкался, и Линдт тотчас же мягко тронул его за рукав.

– Вы уверены, что это удобно, Сергей Александрович? Мне вообще-то есть где переночевать.

– Ну вот еще, что за глупые церемонии, коллега, – буркнул взятый врасплох Чалдонов, дергая дверной звонок, что за черт, мысли он, что ли, читает, а что, при таких-то способностях, и если предположить электромагнитную природу излучения... Ну и всыплет же мне Маруся, господи-пронеси-и-помилуй. Всыплет, это уж как пить дать!

Входная дверь распахнулась (без уточняющих вопросов и лязганья засовов, вполне извинительных в городе, в котором недавно произошла великая октябрьская социалистическая революция), и на пороге появилась женщина, а вместе с ней – свет, такой яркий и плотный, что Лазарь Линдт на секунду зажмурился. Свет был слишком живым и сильным, чтобы его можно было списать на банальную керосиновую лампу, которую Мария Никитична Чалдонова (по-домашнему – Маруся) держала в руках, так что Линдт долго-долго потом, целые годы спустя, ассоциировал жену Чалдонова и всю их семью именно с этим светом.

У Марии Никитичны было нежное, необыкновенно живое лицо того немного грубоватого и отчасти простонародного типа, который вышел из моды еще в десятки годы двадцатого века и теперь обитает исключительно на дореволюционных фотокарточках. В молодости она, несомненно, была хорошенькой – все в той же позабытой нынче манере, когда с женской красотой рифмовалась неяркая прелесть и девушке из хорошего семейства непременно полагалось много плакать по пустякам, иметь свежую кожу прохладного молочного разлива, а в месячные целые дни проводить в постели, пролеживая специально для этого предназначенные юбки. В жене Чалдонова все эти нежные требования и условности отступали на второй план, покоренные светом, который она излучала словно сама по себе, как будто даже против своей воли. Всю свою жизнь потом Линдт искал похожие отблески на лицах множества женщин, великого множества. Но так и не понял, что женщина сама по себе вообще не существует. Она тело и отраженный свет. Но вот ты вобрала мой свет и ушла. И весь мой свет ушел от меня. Цитата. Тысяча девятьсот тридцать восьмой год. Набоков подтвердил бы, что внимательный читатель и сам сумеет расставить кавычки.

– Вот, Маруся, смотри, кого я нашел, – сказал Чалдонов бодро и немного испуганно, будто он был мальчишкой, а Линдт – трясущимся, блохастым, но уже невероятно любимым щенком, и решить, останутся ли они дома – жить, или вдвоем отправятся назад на помойку, могла только мама, вряд ли вот так просто забывшая вчерашний «кол» по поведению. Мария Никитична вопросительно взглянула на мужа. – Это Лазарь Иосифович Линдт – мой новый коллега, – попытался отрекомендовать гостя Чалдонов. Затея с приводом найденыша домой с каждой секундой казалась ему все менее удачной. Маруся, как все хорошо воспитанные люди, обладала отлично взнузданным темпераментом и потому умела взрываться с замечательной быстротой. Чалдонов знал это прекрасно. Лучше просто и не бывает. Линдт попытался вежливо поклониться, и лестница, дверь и лампа тотчас мягко и быстро повернулись вокруг головокружительной оси. Есть хотелось просто невероятно. Маруся помолчала еще одну длинную секунду.

– Вшивый? – деловито спросила она у Линдта, как будто приценивалась к нему на рынке. Линдт обреченно кивнул. Собственно, кроме тетрадки и вшей, у него больше ничего и не было. – Тогда потерпите, пока я не приведу вас в порядок. И только потом уже – ужинать, ладно?

Через час с небольшим все уже сидели в столовой за обеденным столом, сервированном по правилам, которые стремительно, прямо на глазах, становились старорежимными пережитками. Хрустели салфетки, тяжело звякало серебро, из просторного, как полынья, ворота чалдоновской рубахи торчал, пуская ликующие блики, наголо обритый Линдт (Чалдонов принес в жертву отменную бритву фабрично-промышленного торгового дома Арона Бибера, Варшава, дореволюционная роскошь, в самый раз для ваших непроходимых кущей, коллега), в кузнецовских чашках светился настоящий морковный чай с настоящим сахарином, а Мария Никитична подкладывала гостю на тарелку третью картофелину (с топленным маслом!) и ласково уговаривала – ешьте, Лесик, а то на вас смотреть страшно – какая-то голова на ножках, да и только.

– Зато какая, Маруся, голова! – хвастался довольный Чалдонов, воздев нож и вилку к небу. – Этот юноша – гений, можешь мне поверить. А я такими словами не разбрасываюсь, ты же знаешь!

– Может, и гений, но вот только очень уж недокормленный, – смеялась Маруся.

Линдт смущенно и сыто жмурился, изо всех сил пытаясь не задремать. Гений – это он уже слышал, и не раз. Но никто еще не называл его Лесиком – ни до, ни после. Никогда.

От четвертой картофелины он мужественно отказался: я получу продовольственные карточки, Мария Никитична, и сразу верну. Чалдоновы разом замахали на него протестующими руками. Это был счастливый билет, конечно. Незаслуженный, неожиданный. Шел по улице, подобрал золотой ключик, выпустил на волю замурованную судьбу. Линдт и сам знал, что так не бывает. А ведь – поди ж ты. Глаза слипаются, все дрожит и расплывается в мокром сиянии простого человеческого счастья. Мария Никитична поднялась, чтобы собрать со стола посуду, и тотчас вскочил помогать ей Чалдонов, уставший дальше некуда,

конечно, но – Маруся, Господь с тобой, сядь, я сам, все сам. И по тому, с каким жадным обожанием он смотрел на жену, по тому, как мимоходом она пригласила ему надо лбом некрасивую белесую кудрю, ясно было, что даже тридцать лет супружества могут быть зачем-то нужны Богу, особенно если веришь, что Он действительно существует. Линдт проглотил ниоткуда взявшийся горький комок. У меня тоже так будет, поклялся он мысленно. Именно так – и никак иначе. Вот такая точно любовь, такая точно Маруся, такая точно семья.

Мария Никитична Чалдонова была самой большой жизненной удачей Чалдонова, и то, что оба прекрасно знали об этом, придавало всему укладу семейной жизни тот необходимый привкус чудесной авантюры, без которой брак быстро превращается в скучнейшее и едва удобоваримое блюдо – вроде трижды разогретой жареной картошки. Маруся была и умнее, и сильнее, и нравственно выше Чалдонова, но главное – она была совсем иной, лучшей человеческой породы. И вся семья ее была чудесная – старинная, священническая, уходящая корнями в такие раннехристианские, первоапостольские времена, что сразу становилось ясно, почему в их доме так хорошо и взрослым, и детям, и кошкам, и канарейке в клетке, и всему приبلудному, нищему, юродивому, переходящему люду, без которого и вообразить себе невозможно ни русскую жизнь, ни служение русскому Богу.

Впрочем, с Богом у Марусиной семьи были свои, особенные отношения. И фамилия их, дивная, лакомая, семинарская, была совершенно Божьей – Питоврановы. Чалдонов и сейчас, в сорок девять лет, помнил, с каким серьезным видом юная Маруся объясняла ему, двадцатилетнему олуху, что Питоврановы – это в честь пророка Илии, которого питали враны. Понимаете? Чалдонов кивал белесыми кудлями, но понимал только ямочку на щеке у Маруси и серые горошинки на ее узком, ловком ситцевом платье, про которое невыносимо стыдно было даже думать, но не думать тоже не получалось никак.

– И Господь сказал, – важно продолжила Маруся, – иди и скройся у потока Хорафа, близ Иордана, ты будешь пить от вод потока, и Я повелю вранам питать тебя. Враны – это вороны. Неужели не помните?

– Очень даже помню, – согласился Чалдонов, остро, гораздо острее обычного чувствуя себя деревенским стоеросовым дураком. И то, что он через год вообще-то должен был закончить физико-математический факультет Московского университета по специальности «прикладная математика», почему-то только усиливало мучительную резь потной рубахи под мышками и всю общую, телесную неловкость, которую Чалдонов испытывал от одного присутствия этой девушки, едва достававшей макушкой до петлички на лацкане его пиджака.

– А помните, так продолжите! – потребовала Маруся, но Чалдонов в ответ только немо и умоляюще растопырил руки, понимая, что самый главный экзамен его жизни провален – постыдно, жалко, без права на пересдачу, навсегда.

– А папа сказал, что вы – выдающегося ума человек, – разочарованно протянула Маруся и без малейшего церковного подвыва, просто, как стихи, закончила цитату: – Илия исполнил повеленное и жил при потоке, и враны вечером и поутру приносили ему пищу, ибо Господь может и чудесным образом охранять тех,

которые верно служат Ему и надеются на Него.

Чалдонов еще раз кивнул и покорно отправился вслед за Марусей в соседнюю комнату, где большое семейство Питоврановых уже рассаживалось за обеденным столом, громя ступьями и весело переругиваясь – опять Алешка лезет поближе к пирогам, пап, да скажи ему, наконец, мамоне ненасытной! Питоврановстарший, профессор богословия Московской духовной академии, в ответ только насмешливо пушил холеную, вполне светскую, надушенную бороду. Чадои женолюбец, жуир, остро слов и умница, он – вопреки всем представлениям о косности духовного образования – знал девять языков (пять из которых были, впрочем, безнадежно мертвы), защитил блестящую диссертацию по языческим культам (по поводу чего яростно спорил со своим вечным врагом-коллегой Введенским) и – несмотря на это – ухитрился остаться искренне и простодушно верующим человеком. Да и как было не верить, если ежедневно, ежечасно – в звоне столовых приборов, плаче младенцев, скрипе половиц, в каждой ноте многоголосого питоврановского дома – жил и дышал сам Бог, простецкий, уютный, единственно возможный, безнадежно антропоморфный Господь с крепкими крестьянскими пятками и кудрявой бородой, похожей на кудрявое облако, вполне заменявшее Ему и диван, и кресло, и основание мира.

Семейство было огромное, шумное и дружное, но даже случайному гостю было ясно, что дружба эта основана не на пустом и случайном кровном родстве, а на совершенно осознанной, умной человеческой приязни, так что каждому вновь народившемуся у Питоврановых ребенку, каждой приблудившейся кошке или приглашенному на обед гостю приходилось постараться, чтобы завоевать любовь и приязнь всех остальных – но зато, раз влившись в эту мирную и многоголосую симфонию огромного человеческого счастья, каждый получал столько дивного, телесного уюта и тепла, что с избытком хватало и на земную, и на загробную жизнь.